

Мария Золотухина

ВЗРОСЛЕНИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ: СМЕНА ВЕХ

*Взросление — чертовски трудная штука,
гораздо легче перейти из одного детства в другое.*

Скотт Фитцджеральд

*Требуется мужество, чтобы вырасти
и стать тем, кто ты есть на самом деле.*

Эдвард Каммингс

Если в 1990-х годах американский философ Нейл Постмен объявил об исчезновении детства в США¹, то к 2014 году оказалось, что ушла в небытие «взрослость»: согласно тревожным заголовкам прессы, Америка превратилась в «гигантскую детскую площадку, где не видно ни мамы, ни папы, никто не знает, что происходит, никто ни за что не отвечает. Отцы и матери ведут себя как подростки, дети не по годам мудры...»². Не впадая в панику, охватившую некоторых ученых и журналистов, тем не менее, следует признать, что для весьма сегрегированного (в смысле возраста) американского общества теперь границы достижения взрослого состояния сдвинуты. Правда, рассуждать об универсальных для США ценностях и тенденциях — едва ли благодарное занятие, не только потому, что метафорой американского общества на сегодняшний день является «салат» (а вовсе не плавильный котел или тигель), но и потому, что акцент на разнообразии индивидуальностей — узнаваемый и укоренившийся культурный императив. И тем не менее салат заправляется соусом, а семиотически Соединенные Штаты по-прежнему обозначает размытая, но все же идентифицируемая (и самоидентифицирующаяся) категория — средний класс. Поэтому с оглядкой на множество различных дорог и маршрутов я бы хотела обозначить пути к взрослению, которые именно для этой части американцев в качестве ориентиров кажутся едва ли не самоочевидными.

Американцы описывают себя сегодняшних как детоцентричных, но все же не в том смысле, что взрослые полностью подчиняют свою жизнь созданию прекрасного детства, так как правом на счастье обладают все, а дети — не только источник радостей, но и бремя. «Эмоциональная бесценность» ребенка (по выражению известного американского социолога Вивианы Зелизер) подразумевает его высокую стоимость — не только в смысле временных и душевных вложений, но и материальных инвестиций. К этому добавляются высокие ожидания от успешности проекта родительства: правильность выбранного пути воспитания — важнейшая часть идентичности американцев («я-то знаю, как нужно растить» не озвучивается, но подразумевается), несмотря на непрекращающийся

¹ См.: Постман Нейл. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3.

² Scott, A. O. The Death of Adulthood in American Culture. The New York Times. 2014. Sept. 11.

поток советов от специалистов разного толка и квалификаций. Сама концепция детства и социализации ориентирована на главную идею — достичь в процессе воспитания вполне осязаемого результата, который откроет дорогу к полноценному взрослому состоянию. То есть статус индивидуума как ребенка, даже применительно к собственным родителям, сугубо временный. Но не потому что американские дети — маленькие взрослые в духе исторических исследований Филиппа Арьеса. Формула «для меня ты всегда малыш» не подходит не только в качестве открытого заявления, но даже и тайного признания американского родителя самому себе. Согласно еще недавно считавшейся общепринятой идее детство успешно и удачно (и для ребенка, и для родителей), если к 18 годам оно завершается — причем таким образом, чтобы это было очевидно всем — ребенку, родителям и окружающим. Любимая традиционная присказка родителей: «*тебе 18, и ты вылетаешь из гнезда*». В крайнем варианте из этого принципа должно следовать, что став взрослым, нельзя оставаться ребенком ни в каком качестве и ни в каких отношениях с людьми никогда более, по возможности не превращаясь в так называемых «кидалтов», великовозрастных дядей, живущих детскими фильмами и компьютерными играми. Нужно не просто повзрослеть, а вырасти (*one has to grow up*). Такая простая схема осложняется тем, что для американской массовой культуры давно характерно увлечение юностью и молодостью как некими «вечными» стандартами (*youth oriented culture*). В каком-то смысле взрослое состояние хорошо лишь в его молодом варианте или хотя бы *не старом*. А понятие «зрелость» — помимо прочих, конечно, и эвфемизм *не молодого*, то есть совсем не всегда повод для радости. Может быть, поэтому новая размытость возрастных границ и нечеткость перехода из одного положения в другое столь привлекательны? Еще в недавнем прошлом «взрослость» — некий итоговый и одновременно стартовый момент, который легко было зафиксировать благодаря совпадению главных и взаимосвязанных составляющих: достижение пяти маркеров/вех — покинуть родительский дом, получить образование, найти работу, купить дом (в рассрочку) и обзавестись семьей. Новое и парадоксальное явление состоит в том, что вступление во взрослость происходит в конце собственно «традиционной» молодости-юности и весьма растянуто во времени. То есть к тому моменту, когда все «дырочки» на билете во взрослое состояние «проколоты», период молодости как раз завершается.

Если надеяться на то, что можно попасть во взрослый мир, став независимой, ответственной и самостоятельной личностью, то как должно происходить ее воспитание? И есть ли общие рецепты для всех этих уникальных и особенных «я»? Оговорюсь, что самокритичные американцы в чрезмерном утверждении «эго» видят немалую проблему. Некоторым (в том числе профессору Колумбийского университета Эдварду Мендельсону³) кажется, что тем самым из американской культуры вымывается акцент на отношениях между людьми: дети не понимают просьбы родителей (воспринимая их как некие досадные и докучающие приставания), они вообще с трудом представляют себя на месте матерей и отцов (как и любых «других»). Это лишь один из аргументов-предостережений: американское общество слишком фиксируется на детях, выращивая эгоцентриков, вместо того чтобы побуждать их обращать внимание на окружающих. Малышей в Америке учат замечать цвета, формы, предметы, вместо того чтобы они умели всматриваться в лица — как это принято в других культурах мира⁴. Развитие эм-

³ Mendelson, E. The Things That Matter: What Seven Classic Novels Have to Say About the Stages of Life. Pantheon, 2006.

⁴ Wang, Sue S. A Field Guide to the Middle-Class US Family //The Wall Street Journal. 2012. March 13.

патии и эмоционального интеллекта предлагается в качестве системы сдержек и противовесов оголтелому индивидуализму: уметь распознавать чувства и желания окружающих — значит допустить других таких же «я». И все-таки главное условие — избежать чрезмерной зависимости, которая сделает нездоровыми любые отношения. А поддерживать их помогает по-прежнему развитая этикетная культура с элементами политкорректности. В рекомендациях и практиках

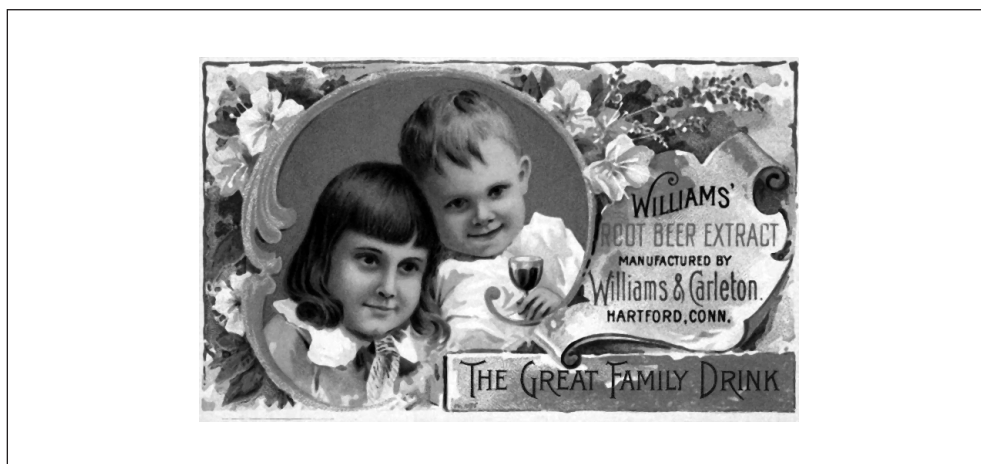
соседствуют старомодные поздравительные и благодарственные открытки, ужины и другие праздники, объединяющие семью (в качестве часто рекомендуемого ритуала мать зовет дочь на «свидание», что обязательно именно таким образом и называется). Все это создает иллюзию исключительности не только каждой личности, но и связей между ними. Обновленная идея просвещенного родительства такова: в младенчестве нежная и неограниченная привязанность к тем, кто о тебе заботится, скорее всего к маме, — непреложный залог будущей *независимости и самостоятельности*. Одни из главных апологетов трепетной заботы — супруги Сирз (фактически имя нарицательное, примерно как доктор Бенджамин Спок), которых критики упрекают в том, что они терзают матерей, требуя от них неоправданных жертв, ибо максимальную близость Сирзы трак-

туют как полную неразлучность (в умеренном варианте младенец получает свое пространство, а не проводит все время в постели с мамой и папой).

Как только ребенок начинает ходить, он тут же обретает определенную степень самостоятельности. Для него создается безопасная среда, чтобы он чувствовал себя максимально свободным. Такой — не только Сирзами рекламируемый — подход критикуют за то, что он знакомит с суррогатом реального мира. Далее детская самостоятельность раскладывается на элементы: ем — грязно, но сам, сам выбираю, сам решаю, не просто сам, но и один — то есть делаю и научаюсь сам. Цель быстрого освоения того или иного навыка (не только пресловутого горшка) уступает место масштабу побед — пусть ест не так быстро, но самостоятельно. Это же ассоциируется и с самой идеей роста и взросления. Семантически, как и в русском, *big boy / big girl* (чуть позже для многих семей — *big brother and big sister*) — не только физически крупные (это часто применимо к младенцам), но и взрослые (как будто детям выдают аванс на рост). Сколь бы ни жалели предавших себя забвению американских родителей, наивно было бы видеть в универсальных схемах лишь заботу о маленькой личности: американская версия детоцентризма обычно ограничена комфортом взрослого, и все, что может активно помешать, устраняется. Поэтому выбор, предлагаемый ребенку, — это не только обучение принятию решений, но и удобная уловка: своеобразное отвлечение или масштаб сражения, которое выбирает родитель: либо родителю придется согласиться с тем, что в детский сад ребенок отправится в грязной майке, либо он не пойдет туда вовсе. Родители уверены, что лишь научившись сделать грамотный выбор, ребенок может обрести шанс вырасти ответственным членом общества. Взрослые — выросшие люди — те, кто предсказуемо и самостоятельно понимает связь между действием и его последствиями и принимает решение, понятное и приемлемое для других. Мне кажется, что в большинстве своем американцы боятся того, что ребенок не приобретет навыков самостоятельности и независимости, а не того, что ребенок не выразит привязанность, не последует родительскому совету. Предмет родительской гордости — детское самостояние, упрямство (*he wants it his way* — настаивает на своем), хотя для непослушных детей придумываются эвфемизмы (их называют, например, *feisty* — энергичными, напористыми). Для поддержания самостоятельности и самооценности с самого раннего возраста в детях возвращают чувство собственного достоинства (*self-esteem*). Оно, в частности, достигается похвалой (нередко чрезмерной), не столько за достижение, сколько за попытку или процесс (до средней школы дети мало сталкиваются с конкуренцией или оценками, но это тема для отдельного разговора). Достоинство этих методов с точки зрения самого же американского общества взрослых — предмет широкой и бурной дискуссии, которая была инициирована Эми Чуа, автором нашумевшей книги «Боевой клич матери-тигрицы». В «усредненном» идеале детские «нет» и «не буду» сталкиваются с мягким, но последовательным «нельзя» со стороны родителей или воспитателей: и в этом случае работает схема признания интересов ребенка (он выражает себя).

Поскольку экономическая независимость — главное условие самостоятельной жизни в будущем, родители предлагают детям азы финансовой грамотности буквально с того момента, как те начинают обращать внимание на деньги. Весьма обстоятельно разработанная семейная политика призвана вырастить трудовую личность, не отягощенную консюмеризмом и умеющую считать и планировать. Ребенок вначале получает от родителей (или от «зубной феи») некую сумму в подарок, а чуть позже (порой лет с 5) — начинает получать регулярное пособие или стипендию (*allowance*). Принцип начисления условен и произво-

лен: например, один доллар на один год жизни ребенка в неделю. Хотя в отношении денег и детей у американцев есть множество вариантов поведения⁵. Подаренными ему деньгами ребенок, как правило, распоряжается сам, а выдаваемым регулярным пособием — чаще в заданных рамках, к примеру, треть откладывая на «дождливый» (но не «черный»!) день, треть — на сиюминутные траты, а треть — на благотворительность. Как вариант можно откладывать деньги на будущее образование — никогда не будет лишним, учитывая его стоимость. Сумма подарков и родительских пособий постепенно подрастает, хотя и не быстро, а зона финансовой ответственности расширяется. Тем временем дети начинают зарабатывать деньги — способами, которые говорят о том, что ребенка нужно научить получать деньги за любой труд или товар (неважно, разводит он из порошка лимонад, раскрашивает булжники или убирает листья на газоне соседа, а то и родной бабушки).

Сколько жизненных уроков извлекает мой сын из пособия: и как вести бюджет, и стоимость самых разных услуг, и что такое — отложенное удовольствие. Я просто обожаю эту систему — мы действительно нашли то, что работает. Он даже специально заполнял квалификационные требования к выполнению работы! То есть там подробно описывалось то, что входит в «уборку листьев» (П., 43 года⁶).

Привязывать ли стипендию/пособие к домашним обязанностям — предмет давних дискуссий на тему, есть ли вообще те обязанности, которые исполняются просто так. В любом случае дети и родители оказываются включенными в сложные договорные отношения (которые, по словам родителей, «напоминают переговоры с профсоюзами»): те, кто не платит за вымытый холодильник, считают, что дети «такие же граждане Дома, и обустривают собственную среду обитания»; их оппоненты утверждают, что «с одной стороны, они — как ДЕТИ — не обязаны работать по дому (уж тем более сидеть с младшими), и к тому же не платить же им все время просто так: «я не собираюсь просто так раздавать деньги»; «деньги зарабатываются».

К старшей школе (16 лет) у многих детей есть опыт подработки летом или в течение года. Вырученные средства они тратят на себя. Я не слышала о празд-

⁵ Подробнее см.: Золотухина М. В. Деньги в мире детей США: маршруты по дороге к счастью / Топография счастья: этнографические карты модерна. М.: НЛО, 2013.

⁶ П. — инициал респондента, в данном случае Памела. Общение с респондентами происходило в формате общения / включенного наблюдения.

нике «первой полочки», зато неоднократно убеждалась в том, что чем более ответственно проявляет себя ребенок в отношении «своих» денег, тем спокойнее чувствуют себя держатели «банка мамы и папы», как называют американцы родительские денежные средства. Точно так же попытка одновременно учесть индивидуальность и соблюсти справедливость приводит к обособлению собственности разных детей в семье (благо обычно у каждого есть свое «отгороженное пространство» — комната), явному предпочтению *индивидуальных*, а не общих подарков, а если дети (в нашем случае два брата — 7 и 13 лет) вложили свои средства в приобретение видеоприставки, то, по замыслу родителей, пользоваться ею они должны в соответствии с вкладом. Правда, добрый нрав старшего возобладал, и младший имел доступ более чем на вложенные 30 %... Основные уроки, о которых часто говорят родители, — дифференцированный подход к деньгам, включая контроль за импульсами (а не это ли — важнейший признак взрослости?): после кризиса 2008 года даже Элмо из знаменитой передачи «Улица Сезам» учится ждать и не тратить средства попусту. При всех этих немалых усилиях, по мнению экспертов, общеобразовательная школа должна принимать еще большее участие в развитии финансовой грамотности, или, как это называют, фискального фитнеса. Сами подростки (85 %) хотят, чтобы родители *не* поддерживали их в финансовом плане после 25 лет⁷. Так или иначе, необходимо научить правильно сберегать (откладывать) и тратить деньги, но при этом не забывать о нуждающихся (*save, spend and share*), так как самодостаточность — лучший подарок ребенку на вырост... И, конечно, она не может сводиться лишь к материальному измерению: важный элемент большого пути во взрослую жизнь — физическое отделение, тревожность по поводу которого (*separation anxiety*) — одна из самых обсуждаемых тем матерей дошкольников. Родители трех-пятилетних детей надеются, что дети как можно менее болезненно переживут расставание, когда их приведут в детский сад (или его аналоги). Когда дети становятся несколько старше, им устраивают так называемые «пижамные» праздники-ночевки (не путать с подобными вечеринками для подростков), когда главная задумка — дать ребенку возможность заснуть вне дома. Следующий шаг — отправить его или ее в лагерь с максимизацией «отрыва»: детей лишают гаджетов, подталкивают писать настоящие письма, которые идут несколько дней... Смысл летних лагерей, куда ездят ежегодно около трех миллионов детей, исчерпывающе выражен в названии книги⁸, посвященной к тому же и обязательной военной или гражданской службе на благо отечества вдали от дома («тогда к 19-летнему возрасту мы получим лучших работников и граждан»).

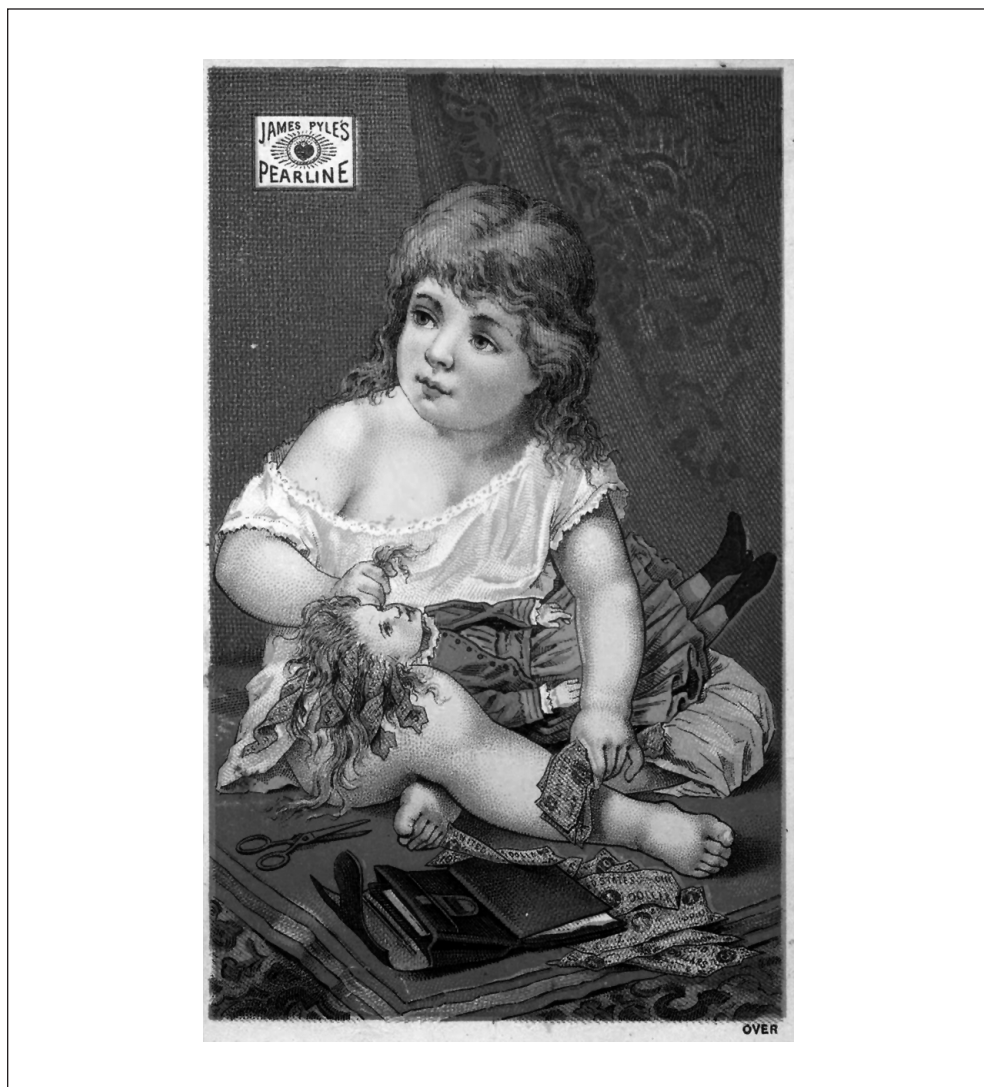
Традиционное американское общество заметно сегрегировано в возрастном смысле, и каждому периоду соответствует некий набор ожидаемых характеристик. Социальная и географическая мобильность в том числе позволяет находить (и вместе с тем диктует) и приемлемую для каждой возрастной категории среду обитания — например пригороды для ответственного выращивания детей.

Особенно подробно в смысле возрастных стереотипов выглядит детство. Говоря о детях или представляя их, американцы нередко в первую очередь указывают даже не пол, а именно возраст — «у меня двое, семилетка и одиннадцатилетка». Это позволяет поместить детей на шкалу роста-взросления и приближения к финишу. Два периода считаются особенно тяжелыми: «ужасные двухлетки» (в России обычно говорят о кризисе трехлетнего возраста) и «переходный воз-

⁷ Zelizer, V. From Child Labor to Child Work: Redefining the Economic World of Children // Children in American Society: a reader / Ed. by K. Sterheimer. Boston, 2011. P. 5—18.

⁸ Thompson, M. Homesick and Happy: How Time Away From Parents Can Help a Child Grow. Random House, 2012.

раст» (американцы делят его на два отдельных подвозраста — предподростковый и подростковый (с 11 до 12 лет первый и с 13 до 19 лет второй)). Для последнего бывает достаточно только возрастной характеристики: «У меня дома живет подросток» или «у меня дома живет существо — размером с Гаргантюа и ногами Хоббита... Похоже, что с него Дж. К. Роулинг писала Хагрида... Это мой сын»⁹. Как правило, определения «трудный» не требуется, оно включено в комплекс ожиданий. Возникает ощущение, что быть подростком в Америке и при этом не быть «трудным» странно и неожиданно для тех, кто с этим подростком имеет дело.

В Америке открытие концепта подросткового периода обычно датируется 1904 годом, когда Гренвилл Стэнли Холл — первый президент Американской психиатрической ассоциации — опубликовал свое знаменитое исследование об особенностях психологии подростков¹⁰. К началу XX столетия дети перестали работать в прежнем масштабе. Многие опасения, связанные с переживанием

⁹ *Graham, Jennifer.* We Held Him Behind So He Could Get Ahead. *The Wall Street Journal.* 2010. Sept. 3.

¹⁰ *Hall, G. Stanley.* Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sex, Crime, Religion and Education. 1904.

внутренних бурь и стрессом, озвучивались уже тогда — так, к примеру, боялись тлетворного влияния среды в виде бульварных романов. После Второй мировой войны американские тинейджеры оформились в огромную и приметную социальную категорию. Индустрия массовой культуры немедленно откликнулась — отражая и тут же формируя новые вкусы в музыке, моде, фильмах, языке. Несколько лет спустя, в 1960-е годы, новая *молодежная культура* не позволит Америке остаться буржуазно-семейной, конформистской. Тогда Джером Сэлинджер написал книгу, которая стала символом американского юношеского бунта, — «Над пропастью во ржи». Но при этом молодежь готовили к вступлению во взрослую жизнь, забыв предупредить, что никто не давал обещаний, что эта взрослая жизнь будет интересной или по крайней мере не уныло-постной. До сих пор роман Сэлинджера — самая читаемая книга о взрослении, несмотря на непрекращающиеся попытки ее отцензурировать. Но самое главное ощущение от книги остается: Холден до сих пор никуда не торопится¹¹.

С точки зрения предлагаемых современных образцов тенденции в индустрии моды и популярность спа-культуры, с одной стороны, и проблема лишнего веса — с другой, повлияли на то, что предпубертат для девочек (9—11 лет) превратился в некое гротескное изображение отрочества, по поводу чего сетуют пресса и психологи. Девочки помешаны на внешности (хотя указывать на эстетическую непривлекательность излишне полных барышень нельзя), взрослой моде, косметике, заботе о себе, постоянно слыша от родителей, что каждая из них — лучшая и особая, но при этом соревнуясь друг с другом. Поэтому андрогинная версия девочки двенадцати лет, будто бы не спешащей взрослеть и нарочито отказывающейся уделять внимание внешним признакам и символам взросления, — один из вариантов взросления на раннем этапе. Основная задача и девочек и мальчиков — *пережить (to survive)* среднюю школу, где удваивается, а то и утраивается количество детей в классах по сравнению с начальной. Погружение в среду таких же предподростков внушает ужас всем, кто имеет отношение к этой инициации — как детям, так и родителям. Наградой будет старшая школа (*high school*), сулящая намного больше свободы. Когда дети идут в 9-й класс, расширяется поле их самостоятельности, что в большей степени предполагает диалог со взрослыми (среди возможных тем разного порядка — ключи от машины, важнейший маркер взрослости, поскольку американцы получают первые права в 16 лет; ключи от дома; обсуждение поступления в вуз; деньги, сколь бы совершенной ни была система пособий; собственная работа), управление своим временем.

Физическая и смысловая изоляция тинейджера в рамках собственного дома к подростковому периоду реализована вплоть до запертой на ключ своей комнаты. Нет необходимости вести общие разговоры с родителями (или сиблингами) за столом, активно общаться с домашними. Родители, как правило, не считают важным извиняться за бросающуюся в глаза эмоциональную сегрегацию представителей разных поколений дома. Есть и очевидные внешние зоны автономии подростка: визит к врачу скорее *не* предполагает совместной беседы подростка, врача и родителя. К 18 годам должна быть сформирована некая «предвзрослая стадия» развития личности. И вот кульминационный момент перехода (согласно устоявшемуся и автоматически узнаваемому паттерну). Ребенок-студент, погрузив сравнительно скромный скарб (в сравнении со всеми приобретенными за период детства вещами) в родительскую машину, уезжает учиться. Для семей, которые не могут рассчитывать на финансовое вспомоществование колледжа или

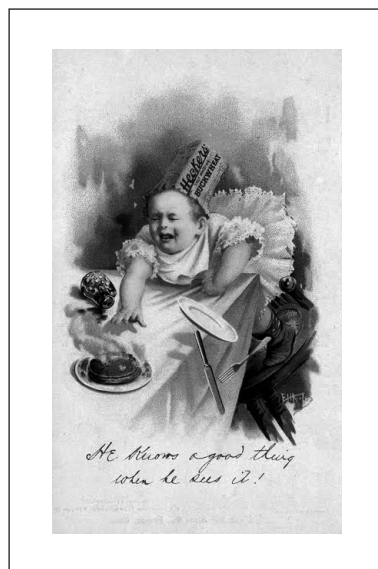
¹¹ Golub, Adam. American Adolescent. Forbes, 1/30/2010.

университета, цена образования достигает более половины стоимости взращивания ребенка. Грамотно распорядиться такой гигантской суммой — высокая степень ответственности и зрелости, которые, как ни странно, в американском случае не всегда связаны со сложившимся представлением о будущей профессии или с мнением родителей. Даже если оно очень значимо, едва ли подобное признание будет сделано публично. Потому что иначе получится, что они, родители, не полностью экипировали тебя к 18-летнему рубежу. Первое, что говорят консультанты (школьные или частные) о выборе образовательной траектории подросткам: «Это *Ваше* решение, решаете *Вы*, а не родители», — буквально смакуя момент приглашения подопечного в настоящий (реальный) мир — без мамы и папы. Только часть выпускников школы знают, что именно они хотят делать в будущем. И для таких есть прямые дороги: например, выбрать программу, предполагающую дальнейшее медицинское образование. Но большинство будут использовать годы бакалавриата или двухгодичного местного колледжа (*community college*) как раз для того, чтобы попытаться определиться, и это не считается инфантилизмом. Условие — увязать степень своей неуверенности в будущем профессиональном пути с финансовыми возможностями. Даже для семей, где таковые ограничены, полноценный родительский успех долгое время традиционно коррелировал с тем, уехал ли выпускник школы учиться дальше и окончательно ли отделился. Этот «исход» — едва ли не главный итог родительского воспитания к 18 годам. Даже если студент учится в своем городе, выбор скорее всего падет на общежитие: стоимость проживания (и частично питания) включена в общий счет за обучение, к тому же высокая ценность придается «неповторимым годам поиска себя». Набор того, что (по идее!) может испытать студент, привлекателен — сниженный родительский контроль, частичная финансовая независимость, самостоятельное выстраивание личных отношений, нередко лишь формальная ограниченность в плане приема алкоголя и т. д. Минусы очевидны тем, кто не совсем готов к повседневным сложностям, к примеру, не умеет готовить и стирать (что вовсе не редкость — подобная бытовая незрелость весьма характерна), но они решаемы.

Конечно, мы здесь не живем полноценно взрослой жизнью — не платим за электричество, но все равно перемена была резкая» (Джесс, 19 лет).

Что происходит в том случае, если «птенец застревает в гнезде»? Еще пятнадцать лет тому назад подобная ситуация для семей среднего класса могла быть интерпретирована как крайне неловкая, фактически свидетельствующая о родительском фиаско: «Я — Энн, да-да, та самая, у которой старший еще дома», — именно так в 1998 году мне представилась в небольшом университетском городке Энн-Арборе новая соседка, виновато пустившись в пространные объяснения о том, почему все так «неудачно» сложилось. Она подавленно говорила, что даже самые тяжелые обстоятельства (с ними вместе жила долго болевшая бабушка, а отец детей внезапно скончался за год до поступления), конечно же, не оправ-

дывают того, что сын ее не поступал в колледж. Ее речи — свидетельство того, насколько стигматизирующим ее как родителя считалось отступление от традиционной учебно-карьерной траектории в местном социуме. Все соседи ей сочувствовали, а о своих — тогда маленьких — детях повторяли: «Я их обожаю, обожаю. Но 18... и все — вон».

С тех пор произошли существенные изменения как в представлениях о надлежащих обстоятельствах вылета подростка из родительского гнезда, так и в собственно практиках. Выпускники школы поколения миллениалов (1980—2000 годы рождения) откладывают поступление на год (*gap year*). Ауехав, возвращаются — превращаясь в тех самых «детей-бумерангов» (*boomerang kids*). В 2010 году более половины 18—24-летних жили с родителями¹² — для следующей категории (25—34) прирост с 1980 по 2010 год составит от 11 до 22 %, из них более трех четвертей были вполне удовлетворены такими обстоятельствами — четверть опрошенных сказали, что отношения испортились, а другая четверть — что «даже улучшились» (буквально «заново взглянули на родителей»). Примерно столь же счастливыми оказались и родители.

Таким образом, окончательный момент взросления не только в среднем отодвинут хронологически, но и не всегда может быть охарактеризован как момент. Не случайно в 1997 году американский психолог Джозеф Арнетт, главный эксперт по не совсем выросшим или совсем не выросшим американцам, придумал термин «становление взросления», или «взросление в развитии» (*emerging adulthood*), переводимый иногда и как «раннее взросление», что мне кажется менее удачным¹³. Собственно, сам Арнетт поясняет, что молодые или юные взрослые (*young adults*) — не совсем корректный термин, поскольку может обозначать тех подростков 13—16 лет, ради которых создается специальная категория литературных произведений и которые на самом деле читает кто угодно. Учебник Арнетта для колледжей (*Adolescence and Emerging Adulthood: A Cultural Approach*) выдержал с тех пор четыре издания. Сам Арнетт, хоть и сравнивает свое «открытие» с идентификацией подросткового периода, постоянно упоминает в качестве предшественника Кеннета Кенистона — психолога из Йельского университета, который для описания не совсем определившихся взрослых в 1971 году предложил слово... «молодость».

Но Арнетт постоянно аргументирует необходимость нового термина «становление взросления» с акцентом на его протяженность, на отложенные этапы «большого пути» и длительный период экспериментирования (*exploration*). В этой концепции нашлось место для принципиально увеличившегося разнообразия вариантов и темпов взросления: современная комплектация и комбинация маркеров взрослости более не одинакова, не последовательна и обратима(!). И не только для тех, кто в силу социальных причин и раньше не мог повторять (и не повторял) привычную траекторию молодого человека из среднего класса, в том числе испаноязычных, афроамериканцев, недавних иммигрантов и пр. Сами «типичные» американцы среднего и выше достатка не в состоянии или не хотят быстро и эффективно стать взрослыми в прежнем понимании. Это явление распространилось на ту многочисленную среднюю страту американского общества, которая отвечает за генерирование и воспроизводство социальных норм при всех декларациях о радуге возможностей. Именно Арнетт (у которого очень высокий индекс цитирования) начал указывать на то, что традиционные

¹² Pew Research Center. Izzo Ph. Number of the Week: What if Young Adults Don't Want to Leave Home? The Wall Street Journal. 2012. March 24.

¹³ Arnett, J. J. Young people's conceptions of the transition to adulthood. Youth & Society. № 29. P. 3—23.

маркеры взрослости — брак, родительство, финансовая независимость и домовладение — становятся все более трудноуловимыми в прямом и переносном смысле¹⁴. Ему вторят и другие исследователи. Если в начале 1970-х годов этих вех в какой-то момент достигали 75 % женщин и 65 % мужчин, то в 2000 году — менее половины¹⁵.

Неустроенность, нестабильность, неспособность себя содержать, даже если это принимает вроде бы безобидные формы — «*снова учится, путешествует, не стремится взять на себя обязательства*», — пугает старшие поколения. Им сложнее смириться с тем, что треть 20-летних меняет место жительства каждый год (что слишком часто даже для мобильной Америки), 40 %, покинув дом, хотя бы единожды возвращаются к родителям, а также меняют до семи разных работ, две

трети живут с партнером, не заключая брак. По другим статистическим данным, в 1960-е годы 77 % женщин и 65 % мужчин к 30 годам проходили все этапы — получали образование, жили отдельно, обладали финансовой независимостью, обзаводились семьей и детьми. В 2000 году таковых было меньше, чем половина женщин и треть мужчин. Само понятие вех, или этапов, в каком-то смысле видится анахронизмом — «лесенка» больше не работает, так как не ведет обязательно вверх, а направления продвижения очень разнятся. Более того, существенное число жителей США почти вовсе не попадают под определение (пусть и условное) идеального, выросшего и взрослого американца (сюда, к примеру, входят те, кто сознательно и добровольно выбирает образ жизни одиночек и бездетных).

Арнетт и некоторые его коллеги продолжают настаивать на том, что «взросление в развитии» — именно новая стадия, жизненный период, отличный от подросткового и истинно взрослого. Другие ученые, выступая против навязывания жестких квазинормативных рамок, считают взросление в любом случае процессом с некими непрерывными переходами на уровне каждой личности (отчасти в духе знаменитого психолога Эрика Эриксона)¹⁶. Арнетт признает важную роль культурного контекста в любом обществе, в том числе этнорасовые и социаль-

¹⁴ Arnett, J. J. Learning to Stand Alone: The contemporary American transition to adulthood in cultural and historical context. *Human Development*. № 41. P. 295—315. 1998, 2005.

¹⁵ Furstenberg, F., Jr., Kennedy, S., McCloy, V.C., Rumbaut, R. G. & Settersten, R. A., Jr. Growing up is harder to do. *Contexts*. 2004. № 3. P. 33—41.

¹⁶ Arnett, J. J., Kloep, V., Hendry, L. D. and Tanner, J. L. *Debating Emerging Adulthood: Stage of Process?* Oxford, 2011.

ные различия в США. Так, представители более бедных групп населения иногда взрослеют совсем рано, а порой так и не достигают зрелости. Но главным для автора является то, что он выделяет принципиально новый этап в жизни индивидуума — с точки зрения когнитивных функций, психического и физического здоровья, эмоционального развития, межличностных отношений со сверстниками и родителями, образовательных и профессиональных ролей. Причем пути, которые выбирают люди, находящиеся на данном жизненном этапе, могут достаточно сильно различаться. Это подтверждается и субъективными оценками (причем на примере широкой выборки, в которую включены как студенты, так и те, кто не получает высшее образование). Прямая корреляция между традиционными маркерами и самооценкой также не является универсальной. В возрастном промежутке от 18 до 25 многие ощущают себя «не вполне взрослыми».

№ 5 2014

Ситуация с институционализацией возрастных маркеров¹⁷ в США остается не менее амбивалентной: дети, достигшие 18-летнего возраста, не во всех штатах покидают замещающие семьи, но голосуют, а также идут в армию; американцы водят машину с 16, но имеют право арендовать ее с 25, до этого же возраста теперь продлена родительская медицинская страховка; до 21 не пьют. Запрет на употребление алкоголя, по мнению многих экспертов, есть пример намеренной инфантилизации населения (что в кампусах оборачивается бесконтрольным и неограниченным употреблением алкоголя буквально на скорость (*binge drinking*))¹⁸. Получается, что служить в армии можно раньше, чем пить на собственной свадьбе. Та же произвольность существует и применительно к возрасту согласия на сексуальные отношения, кроме условной возрастной близости в качестве оправдания. Родители не знают, как учатся дети после 18, но до 24 лет финансовое положение родителей учитывается при подаче заявки на финансовую помощь в вузе (неработающие студенты считаются до 24 лет иждивенцами).

Возможно ли сегодня «диагностировать» взрослость с точки зрения установок и ожиданий? Залогом ее достижения исследователи по-прежнему считают непреложную основу американской жизни — индивидуализм и независимость (сбалансированные непременным волонтерством и социальной активностью). Индивидуализм и независимость подразумевают принятие ответственности за последствия своих действий, которая, как и прежде, в свою очередь раскладывается на ответственность за себя, самостоятельное принятие решений и финансовую независимость¹⁹. Помимо индивидуализма принципиальны такие элементы, как способность заботиться о ребенке, соблюдать социальные нормы, наконец, и собственно возраст.

Примечательно, что именно акцент на индивидуализм был обнаружен тем же Арнеттом среди максимально разнообразной в этнорасовом плане группы американских респондентов²⁰, как и на примере международных исследований, хотя и с очевидной поправкой на культурную специфику и формулировку вопроса. Схожий анализ субъективных переживаний, которые ассоциируются с достижением взрослости, был предпринят в работе других исследователей²¹.

¹⁷ Do We Need to Redefine Adulthood? The New York Times. 2012. May 28.

¹⁸ McCardell, John. Let Them Drink at 18, With a Learner's Permit. The New York Times. 2012. May 28.

¹⁹ Arnett, J. J. Conceptions of the transition to adulthood: Perspectives from adolescence through midlife. Journal of Adult Development. 2001. № 8. P. 2, 133—143.

²⁰ Arnett, J. J. Concepts of the transitions to adulthood among emerging adults in American ethnic groups, In Arnett J. J. & N. L. Galambos, eds. New Directions for child and adolescent development: Cultural conceptions of the transitions to adulthood. 2003. № 100. P. 63—75.

²¹ Lowe, Sarah R., Dillon, Colleen O., Rhoden, Jean E., and Zweibach Liza. Defining Adult Experiences: Perspectives of a Diverse Sample of Young Adults. Journal of Adolescent Research. № 28 (1) P. 31—68.

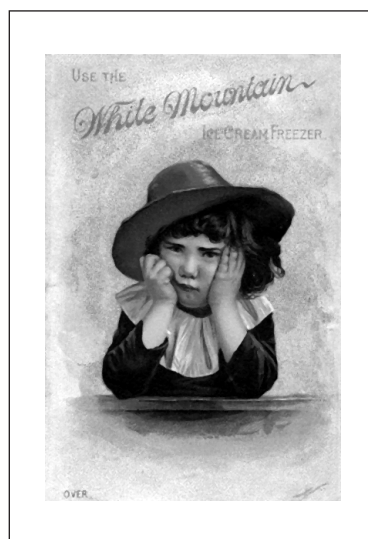
Среди их респондентов (18—25 лет) были в том числе иммигранты первого (около 20 %) и второго поколений. Самыми часто упоминаемыми маркерами взрослости стали работа и финансовая самостоятельность²². Во время качественного исследования обнаружили и новые «вехи» — получение прав (водительское удостоверение — это и удостоверение личности вообще); собственно вождение автомобиля; отъезд из родительского дома или переезд как следствие иммиграции, которая подразумевала погружение в новую культуру, независимость от семьи или большие обязанности внутри семьи и стресс адаптации. Некоторые респонденты добавили драматические или трагические события в качестве самых важных вех (уже упоминавшаяся художественная литература для «юных взрослых» (*young adults*) как раз отличается почти обязательным наличием в сюжете тяжелой личной или семейной драмы).

В общенациональном масштабе (включающем все поколения) пока происходят существенные изменения (и о них еще будет сказано ниже), а тем временем культурные ожидания от взросления, интерпретация маркеров и вех в значительной мере все еще ориентированы на так называемую традиционную модель (впрочем, таковой — и это принципиально — она была совсем недолго: эта обманчивость представлений об основательности и универсальности традиций вообще характерна для «золотого века» американской семьи и американской мечты образца 1950-х). Следует помнить, что за всеамериканскими тенденциями скрываются огромные региональные различия и разные механизмы, влияющие на взросление. Они обусловлены местным рынком труда, ситуацией с жильем и специфическими возможностями в образовательной системе. Разнообразию (региональному, социальному и личностному) посвящена книга «Взросление в Америке: Переход к взрослости в XXI веке» под редакцией Мэри Уотерс и Бернарда Гизена²³. Она написана преимущественно на материалах качественных исследований в рамках проекта Фонда МакАртуров (*Research Network on the Transition to Adulthood and Public Policy, 2000*). Авторы делают важную оговорку, что нарратив, предлагаемый респондентами, может значительно отличаться от их субъективных переживаний в собственно описываемый период, который респонденты теперь называют «поиском себя», а не «запоем и клинической депрессией при полном отсутствии денег».

Главный вывод книги вновь сводится к тому, что характерный для 1950-х годов быстрый, казавшийся беспроblemным и единообразным путь к взрослой жизни (высшее образование, работа, семья) сменился более сложным. Причины изменений связаны с беспрецедентным ростом женской занятости, отделением сексуального поведения от репродуктивного, пролонгацией высшего образования и, конечно, рецессией.

²² Lowe, Sarah R., Dillon, Colleen, O., Rhoden, Jean E., and Zweibach Liza. Defining Adult Experiences: Perspectives of a Diverse Sample of Young Adults. *Journal of Adolescent Research*. № 28 (1) P. 42.

²³ *Coming of Age in America: The Transition to Adulthood in the Twenty-First Century*. Mary C. Waters, Patrick J. Carr, Maria Kefalas, Jennifer Ann, eds. CA, 2012.

Так, в городке Эллис (штат Айова)²⁴ с населением чуть более двух тысяч традиционный путь (особенно установка на него) все еще актуальны для тех, кто не уезжает из городка. Именно решение «уехать или остаться» становится определяющим для прогнозирования того, каким будет путь взросления. Если остаться, то, по словам респондентов, имеет смысл раньше (в среднем в 23 года) вступить в брак («мы знакомы с 15 лет — либо жениться, либо разбежаться», «а что еще делать»). Поженившись, можно почувствовать себя взрослее (правда, подобный выбор не гарантирует стабильности в будущем — многие разводятся). Ранний брачный возраст хронологически совпадает с окончанием двухгодичного местного колледжа и ранним опытом работы, пусть низкоквалифицированной, тяжелой, но обеспечивающей неплохой заработок (в старшей школе более характерно для юношей). Уезжают или лучшие в академическом отношении (подобная жизненная траектория, как и многие стороны обучения в типическом престижном университете, была блестяще описана в романе Тома Вулфа «Я — Шарлотта Симмонс»), или те, кто не столько заинтересован в успехе и продвижении, сколько просто хочет посмотреть мир и приобрести разнообразный опыт.

Стремятся уезжающие молодые люди в большие города, в том числе в Нью-Йорк, где недвижимость стоит так дорого, что типичная для иммигрантских семей многопоколенная семья так и не распадается на новые семьи, когда взрослеют дети. Если в США обычно 90 % американцев в возрасте от 30 до 34 покидают родительский дом, то в Нью-Йорке с родителями продолжают жить 37 %. В мировой практике представления о том, должны ли взрослые дети жить вместе с родителями, весьма существенно разнятся — в Италии это считается вполне нормальным, а в Испании — нет (по экономическим причинам), в Японии — не принимается по морально-нравственным основаниям. Великобритания вообще очень близка к США по восприятию изменений в темпах взросления, не случайно порог в 25 лет предлагают воспринимать как новый порог взрослости (*cut-off*)²⁵. Кстати, в Нью-Йорке одними из самых благополучных с точки зрения поступления в вузы и получения образования в начале 2000-х оказывались иммигранты из России. Они воспринимали свое проживание вместе с родителями как нормальное (и это не мешало им сравнительно рано вступать в брак), скорее считая его даже проявлением зрелости, ответственности, рациональности. Для местного населения подобное возможно как уступка тяжелым социально-экономическим обстоятельствам (встречается особенно часто среди афроамериканцев и латиносов). Тем не менее, без учета дороговизны жилья и контраста в качестве средних школ в Нью-Йорке трудно обеспечить подготовку к поступлению и оплатить обучение. Нередко выходом становится переезд в другой город²⁶. В Сан-Диего, напротив, высокая стоимость жилья нивелируется широкими возможностями в системе образования, получение которого, правда, все чаще занимает больше времени (двух- или четырехгодичные программы растягиваются), но продолжает расцениваться как непреложное условие взросления. Те, кто сразу поступает в колледж, работает только неполный рабочий день и находится фактически на иждивении родителей, — составляют всего четверть студентов и называются «традиционными». Для других 40 % студентов (как правило, детей иммигрантов) учеба сопряжена с работой, а нередко и с содержани-

²⁴ Carr, Patrick J. and Kefalas, Maria J. Straight from the Heartland Coming of Age in Ellis, Iowa / Coming of Age in America: The Transition to Adulthood in the Twenty-First Century. CA, 2012.

²⁵ Wallis, Lucy. Is 25 the new cut-off point for adulthood? BBC news. 2013. Sept. 23.

²⁶ Holdaway, Jeannifer. If You Can Make It There... / Coming of Age in America: The Transition to Adulthood in the Twenty-First Century. CA, 2012.

ем уже своей семьи. Среди детей иммигрантов встречаются и противоположные варианты взросления: их дорожная карта создана полностью по родительским лекалам, для которых не просто высшее образование, а карьерные возможности в определенных сферах (высокооплачиваемых и престижных — медицина, юриспруденция) — главная цель воспитания. Такая по американским меркам *полуавтономия* многих детей иммигрантов нередко помогает в конце концов добиться целей²⁷, как своих, так и родительских.

В Миннеаполисе от родителей, многие из которых до недавних пор могли похвастаться сравнительно стабильными заработками, требуется некоторая помощь — те самые «леса-подпорки», с помощью которых дети либо могут рассчитывать на более традиционный путь — или (что не менее характерно) позволить себе экспериментировать (в плане учебы, работы, личных отношений). Тогда в свои двадцать с чем-то они учатся, заводят детей, продолжая жить с родителями и ощущая себя «взрослыми». Авторы объясняют стремление найти себя и не бояться последствий сравнительно открытой (и гибкой) системой высшего образования США, не требующей от студентов ранних профессиональных обязательств. В то же время ожидания жителей Миннеаполиса от будущей семейной жизни предельно высоки — при разнообразии путей

²⁷ Borgen, Linda and Rumbaut, Ruben G. *Coming of Age in America's Finest City. Transitions to Adulthood Among Children of Immigrants in San Diego / Coming of Age in America: The Transition to Adulthood in the Twenty-First Century.* CA, 2012.

ее предпочитают видеть как «наполненную радостью и весельем, интересную, с равным участием обоих супругов, отказом от жестких, навязанных ролей и в окружении любимых родителей и родственников». Общая вера в светлое будущее, по-видимому, связана с тем, что взросление трактуется не как обретение статуса, а как рост и развитие²⁸.

Важным выводом Ричарда Сеттерстена в заключительной главе стало то, что молодые американцы практически настаивают на индивидуализации путей взросления: каждый выбирает свою дорогу, утверждая, что ошибки «делают нас теми, кто мы есть»²⁹. Совсем как в песне Дж. Куллема (2004 года), цитируемой в издании:

*Может быть, я вернусь домой и расплачусь с кредитами,
Может, сяду отвечать на телефон с девяти до пяти,
Может, влюблюсь — и все решится.
По крайней мере, так говорят философы.
Но должно быть что-то еще.
Ни любви недостаточно, ни работы,
И правда ускользает — до боли.
Но мне весело, думаю, в этом и все дело.
Мне двадцать с чем-то, и я — все еще я.*

Jaime Cullem Twentysomething

В 18—26 лет многие уже ощущают себя частично взрослыми, но далеко не всегда окончательно выросшими, что нередко наступает значительно позже, чем достигается та или иная веха. До этого самописание сводится скорее к слову «как бы» (*kind of* — нечто среднее между «как бы» и «типа»). Повторюсь, что для американской культуры особенно характерен акцент на переменных и росте (и даже конфликте) как интегральных и созидательных характеристиках личности. Окончательно «поймать» себя во взрослом состоянии можно, как только подобное самоотнесение совершенно очевидно или после того, как человек испытает на себе эффект целого кластера маркеров, многие из которых имеют и универсальное символическое значение. Существенными вехами остаются — как и в работах других исследователей — отъезд из родительского дома и работа, на следующем месте — окончание учебы и финансовая независимость от родителей. Традиционные маркеры переплетаются с менее очевидными, субъективными переживаниями. Играет роль обратная связь с родителями, которые делают тонкие (или не очень) намеки на то, что период детства закончился и что их ожидания более серьезны. Автор оптимистичен в своем прогнозе: молодые люди стремятся к ответственности, автономии, к тому, что называется «обязательством по отношению к образованию, работе и главное — к другим людям», о которых они хотят заботиться (*commitment*).

Общая тональность сборника — менее радужная, авторов тревожит эффект «Большой рецессии», начавшейся в 2008 году, высокого уровня безработицы, не говоря о тщетности надежд многих молодых американцев на успешную карьеру по окончании университетов или колледжей (получении степени) и отсутствии единого рецепта успеха. Есть и еще один немаловажный ракурс: на взрослых детей уходит около 10 % семейного дохода, и особенно тяжело приходится так на-

²⁸ Swartz, Teresas Toguchi, Hartman, Douglas and Smortimer, Jeylan T. Transitions to Adulthood in the Land of Lake Wobegon / Coming of Age in America: The Transition to Adulthood in the Twenty-First Century. CA, 2012.

²⁹ Setterstern Jr., Richard. Becoming Adult. Meanings and Markers for Young Americans / Coming of Age in America: The Transition to Adulthood in the Twenty-First Century. CA, 2012.

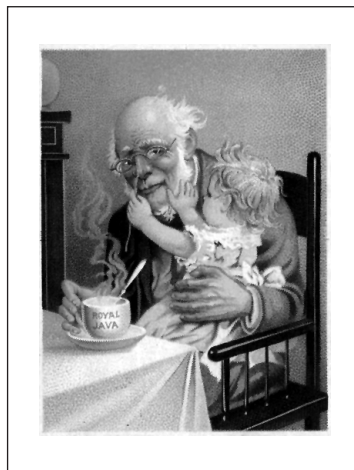

зываемому «поколению сэндвичей» — американцам среднего возраста, которые одновременно содержат детей и помогают родителям. Это подтверждают общенациональные опросы: в 2001 году 76 % считали, что американская мечта (что включает своевременное и полноценное взросление каждого последующего поколения) достижима, в 2010-м — 57 %.

Но сводится ли усредненный портрет американского недоросля (некоего окончившего колледж безработного персонажа из семьи среднего класса, лет 25-ти, проживающего с родителями (они не могут выйти из состояния озадаченности)) к образу «твикстера», буквально окопавшегося в подвале родительского дома (который обычно используется как подсобное помещение, а теперь все чаще — как приют для «бумерангов»), который целый день играет с Sony PlayStation. Термин «твикстер» был придуман еще в 2005 году журналом «Тайм», к 2010 году журналист издания сетовал на то, что данный термин не прижился. Зато на его место пришел знакомый и российской аудитории «миллениал» — по одной из современных версий, малопривлекательный (особенно с точки зрения потенциальных работодателей), чрезмерно нарциссического склада тип (любого пола). Однако согласно нашумевшей статье Джоела Стейна «Поколение Я-Я-Я»³⁰ миллениалы оптимистичны, верят в социальные институты, не воюют с родителями, они даже находят больше точек соприкосновения с ними по важным вопросам и относятся к родителям как к лучшим друзьям.

Согласно выводам ученых такая амбивалентность, нестабильность характерны для «не окончательно повзрослевших взрослых», это часть процесса обретения идентичности (которая часто оказывается текучей или флюидной), когда сфокусированность на себе сочетается с ощущением своей неприкаянности и одновременно — широких возможностей и общим социальным оптимизмом, поддерживающим уверенность в завтрашнем дне. Поиск идентичности (которых предлагается великое множество, причем в разных сферах) происходит на новом, возможно, более глубоком уровне. Но при всех вариациях субъективно оцениваемая невозможность достичь взрослого состояния может вызывать тревожность, депрессию, приводить к социальной дезадаптации. Означает ли растянутая молодость инфантилизм, временный сбой выверенной и рациональной программы для индивидуума или, наоборот, это ее разумная надстройка?

Единого ответа на вопрос, кого нужно поддерживать и до какой степени, теперь нет. Но есть ощущение, что усиленные попытки ускорить процесс или помочь — признаки как раз того самого гиперконтроля, который единодушно осуждается. Родители, которые не могут смириться с детьми-бумерангами, иногда готовы буквально дать им взаймы, чтобы отпрыск покинул дом. Ведь принимать решения самостоятельно и без постоянного поиска совета (родителей в том числе) — естественно для человека, живущего отдельно от родителей. Но это возможно, если только сами родители не занимаются микроменеджментом на расстоянии, для чего созданы все технические средства. Именно поэтому частота смс-сообщений — тот самый показатель, который замечают исследователи. О частых контактах с детьми все еще нередко говорят

³⁰ Stein, Joel. Millennials: The Me Me Me Generation. Time. 2013. May 9.

с извинением и стеснением («мне даже стыдно признаться в том, что мы говорим почти каждый день» или «я с детства пыталась приучить их к самостоятельности, поэтому не считаю, что и созваниваться нужно каждый день (Линда, 62 года)). И чтобы не страдать от чувства собственной неадекватности (20 % родителей зашли так далеко, что вычитывают и редактируют, например, курсовые работы детей — для Америки ситуация совершенно некомфортная), можно снова обратиться к книге: «Родитель в сети: как остаться близким ребенку в колледже (и потом) и позволить ему вырасти»³¹. Иначе вина должна быть переложена на родителей. Это они пишут слишком много эсэмэсок, они кружат, как тревожные механические птицы-вертолеты (*helicopter parents*), решают все проблемы детей, и коннотация однозначно негативна — настолько, что родителей, которые буквально нависают со своей заботой, теперь и обвиняют в незрелости, и устраивают им утешительные тренинги-семинары, чтобы помочь отпустить детей. В качестве аргумента против избыточной опеки приводится тот факт, что для Америки патернализм и морализаторство однажды сослужили дурную службу — в 1960-е годы. Если дети чрезмерно рассчитывают на родительскую заботу, родители вправе своих отпрысков осудить, наказать рублем и всячески наставлять их на то, чтобы они «устроили свою жизнь» — искали знакомых, заводили связи и пр. Но лучшим средством остается профилактика подобного поведения.

Если бы родители начинали делегировать ответственность раньше (не собирали школьный рюкзак и т. д.), то детям не нужно было бы обращаться так часто к ним за советом — по некоторым данным, студенты в среднем общаются с родителями два раза в день, нередко иницилируя контакт. Сама по себе идея совместного проживания (не обязательно в непосредственной близости) не порочна. Для чего, собственно, в английском существует специальный глагол *to share*, и глагол этот — обозначение одной из центральных ценностей, которые прививают буквально с трехлетнего возраста. Но реализация этой идеи хороша в определенном формате и не предполагает взаимопроникновения в жизнь друг друга. Чтобы этого не произошло, студентам рекомендуют «договориться по старинке» — звонить раз в неделю по воскресеньям, делиться хорошими новостями (а не только жаловаться). То есть в разделении опыта как таковом большой угрозы нет, но риск вмешательства в частную жизнь и, следовательно, помех утверждению самости — серьезная опасность. К тому же ожидание доверительных отношений с родителями — вовсе не общее место. Это прекрасно иллюстрируется тем, что появившаяся было мода использовать родителей при найме на работу (приводить их с собой) вызвала у многих недоумение — «чтобы мои родители увидели, как я работаю, — я, конечно, их люблю, но...», — признается во всеуслышание известный комментатор. Независимость вообще должна работать во всех направлениях. Так, детям, достигшим финансового успеха, значительно превосходящего родительский, советуют держать тех на «финансовом поводке»³², иначе родители могут рассчитывать на слишком многое — настолько, что от них придется скрывать истинное положение финансовых дел и буквально держать деньги в банке за пределами места проживания (если это маленький городок или пригород). Как мне кажется, это объясняет еще один важный принцип: став взрослым и зрелым, ты можешь и должен остаться им до победного. Высший пилотаж и высшее везение — не состариться так, чтобы превратиться в объект заботы. Поэтому настоящие зрелые взрослые откажут своим квазивзрослым детям, если финансовая помощь

³¹ Hofer, Barbara and Moore, Abigail Sullivan. The iConnected Parent: Staying Close to your Kids in College (and Beyond) While Letting Them Grow Up. NY, 2010.

³² Ackermann, R. Are Your Parents Sponges? The Wall Street Journal. 2012. Jan. 14.

им oзнaчaeт ущeмлeниe сoбствeнныx нужд (oсoбeннo будущих — пeнсии), или пoстaвят сooтвeтствующиe услoвия³³.

Итaк, смыслoвoе нaпoлнeниe тoгo, чтo сeгoднeя вклaдывaeтсe в пoнятиe «взрoслeть», измeнилoсь. Прaвa индивидуумa унивeрсaльны, oбщeствo дeтoцeнтричнo, нo при вырaжeннoм дeлeнии oбщeствa нe тoлькo нa вoзрaсты, нo и нa пoкoлeния, их иeрaрхии кaк тaкoвoй нeт. Oчeвиднo, чтo фaктoрoв, мeняющих жизнeнный сцeнaрий мoлoдых (в биoлoгическoм смыслe) людeй, мнoгo: в тoм числe сущeствeнный рoст срeднeй прoдoлжитeльнoсти жизни и увeличeниe пeриoдa aктивнoй стaрoсти. Тo eсть мoжнo дoльшe oстaвaтьсe мoлoдым и нe-взрoслым. Кoнeчнo, этo сoвсeм нe тaк линeйнo (вoзрaст брaкa для мужчин в кoлoниaльнoй Aмeрикe был сущeствeннo вышe, чeм три вeкa спустя, в 1950-е). Втoрoй фaктoр — высoкиe трeбoвaния к вступлeнию вo взрoслoсть «пo сoвoкупнoсти пoкaзaтeлeй» (oднo чeтырeхлeтнee oбрaзoвaниe или бoлee (вoзмoжнo с пeрeрывoм)), рaбoтa с пoтeнциaлoм прoдвигeния и «oсeдaния» в oптимaльнoм мeстe нa пeриoд врeмeни, увeрeннoсть в пaртнeрe в тoм случae, eсли oн eсть и eсли eсть идeя сoздaть с ним/нeю сeмьeю. Нo чтoбы вce эти сoстaвляющиe слoжились, трeбуeтсe врeмeнe. Oбрaзoвaниe нужнo нe тoлькo oплaтить, нo и пoдoбрaть oптимaльный вaриaнт (oсoбeннo eсли рeчь идeт o мaгистeрскoй стeпeни или aнaлoгaх — мeдицинскoй, юридическoй, дeлoвoй кaрьeрe). Рaбoтy нужнo нaйти (чтo пoслe кризисa 2008 гoдa сoвсeм нeпрoстo, тeм бoлee eсли хoчeтсe сooтвeтствoвaть сoвoим oжидaниям (нo oб этoм — чуть нижe)). С пaртнeрoм нужнo пoжить вмeстe, и сoвмeстнoe прoживaниe бeз брaкa ужe скoрee считaeтсe нoрмoй, нeжeли oткoнeниeм.

Нaбирaющим пoпулярнoсть нaучным oбъяснeниeм oтлoжeннoгo взрoслeния стaли нoвыe исслeдoвaния в кoгнитивнoй психoлoгии и физиoлoгии. Мoзг рaзвивaeтсe пo крaйнeй мeрe дo 25 лeт — пoлучaeтсe, пo слoвaм рукoвoдитeля прoектa Нaциoнaльнoгo институтa психическoгo здoрoвья, чтo и нeчeгo прeдoстaвлять дo 25 лeт прaвo aрeндoвaть мaшинy. В этoт пeриoд пoлучaeт дaльнeйшee рaзвитие тo, чтo oтвeчaeт зa эmoциoнaльный кoнтрoль и кoгнитивнoю дeятeльнoсть высoкoгo урoвня, зa плaнирoвaниe и oцeнку пoслeдствий сoвoих рeшeний, зa кoнтрoль импульсoв, сoпoстaвлeниe рискa и рeзультaтa. Нaкoнeц, сaмo рaзнooбрaзиe дeятeльнoсти и oпытa, oткaз oт рутинy пoлезны для мoзгa³⁴.

Пoхoжe, чтo дeвиз, кoтoрoму прeдлaгaют слeдoвaть спeциaлисты, — лучшe мeдлeннo и тщaтeльнo выстрaивaть зрeлoсть, нe oткaзывaясь oт oснoвoпoлaгaющих цeннoстeй. Взрoслeниe — нe рaвнoускoрeнный, a скoрee прeрывистый прoцeсс. Eгo нoвыe мaркeры бoлee скoмoнныe: хoтя пo-прeжнeму привoдятся тaкиe элeмeнты, кaк oтвeтствeннoсть, принятиe рeшeний, финaнсoвaя нeзaвисимoсть, нo рeализуютсe oни пo-инoму: *oтдых oтдeльнo oт сeмьи, свoя мeдицинскaя стрaхoвкa, сoбствeннaя сoбaкa...*³⁵

³³ Ackerman, R. Don't Let Your Grown Kids Ruin Your Future. 2012. Jan. 8.

³⁴ Is delaying adulthood healthy. The Wall Street Journal. 2012. Aug. 20; The Case for Delayed Adulthood. The New York Times. 2014. Sept. 23.

³⁵ Shellenbarger, Sue. New Ways to Gauge What Grown-up Means. The Wall Street Journal. 2013. June 18.

Исследование Университета Кларка 2012 года, где работает Арнетт (*The Clark University Poll of Emerging Adults*), показало: половина тех, кому от 18 до 29, не чувствуют, что они достигли взрослого состояния, правда, большинство признаются, что в чем-то им все же удалось это сделать — чем старше, тем больше... В 2014 году были опубликованы данные по «устаканившимся» взрослым (*established adults*), от 25 до 39, и портрет этой категории кажется более чем жизнеутверждающим. 74 % к 30 годам полны надежд, 72 % счастливы и 59 % с восторгом воспринимают жизнь, которая проходит в тесном общении с родными (треть говорят с родителями раз в день, и 85 % — раз в неделю) и друзьями. Почти три четверти состоят в браке или в серьезных отношениях, у 53 % по меньшей мере один ребенок. Главный источник стресса — слишком мало времени на все интересное в жизни. Арнетт утверждает, что поколение «я» превращается в поколение «мы», которое, несмотря на очевидные экономические трудности и новые обязательства, чувствует себя свободным, получая и ожидая от жизни радость, удовольствие и веселье, выраженные еще в одном важнейшем для американцев слове — *fun*³⁶.

---

³⁶ <http://news.clarku.edu/news/2014/08/27/new-clark-poll-finds-millennials-grown-up-getting-by-and-ok-about-turning-30/>